

важнейших качеств, ожидаемых от друга), верность, что, по нашему мнению, ставит под сомнение само существование студенческой дружбы в ее максималистском значении. Практически по всем пунктам рейтинги не совпадают. Налицо двойные стандарты в дружеских отношениях, которые обуславливают неравнозначность и неадекватность подобных взаимодействий, которые нередко могут провоцировать взаимные обиды, обвинения в предательстве и пр. Исходя из анализа результатов опроса, можно выделить качества друга, которые с возрастом увеличивают свое значение для студентов. К ним относятся честность, отзывчивость, понимание, умение слушать. Наряду с этим можно выделить такие качества друга, которые по мере взросления студентов снижают свою значимость: верность, чувство юмора, искренность, доброта, т. е. те, которые лежат в основе максималистской интерпретации дружбы, ее утилитарно-развлекательного характера.

Таким образом, удалось проследить, как в процессе социализации студентов изменяются их толкования дружбы как социального явления. Чем моложе студенты, тем конкретнее и детальнее их представления о дружеских отношениях, тем сильнее в них проявляется максималистский эмоционально-утилитарный характер. Чем старше студенты, тем больше они ценят дружбу саму по себе как важнейший механизм толерантной сплоченности, единения по сходству взглядов, ценностных установок, ориентаций.

Примечания

- ¹ См.: Кон И. С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. С. 16. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Druzhba/index.htm> (дата обращения: 14.12.2013).
- ² Бауман З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. М. : Логос. 2002. С. 29–30.
- ³ См.: Роджерс Дж., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. М. : Экономика, 1980. С. 113.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.324.8

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЯ

К. Э. Багирова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: bagirova_karina@bk.ru

Статья посвящена понятию «общество знания» как способу концептуализации современности. Рассматривается различие знания и информации. Представлены концепции Н. Штера, Д. Белла, М. Кастельса и других. Необходимыми условиями становления общества знания выступают глобализация и развитие информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: общество знания, информационное общество, Н. Штер, Д. Белл.

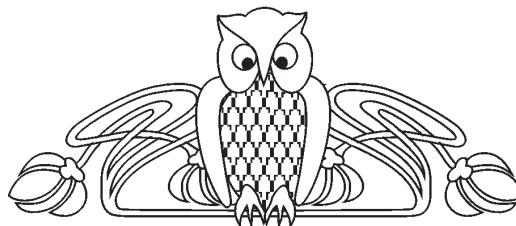
From the Information Society to the Knowledge Society

K. E. Bagirova

The article under consideration is devoted to the concept of «the knowledge society» and considers it as a way to conceptualize modernity. The difference between knowledge and information is distinguished. The article represents the theories by N. Shter, D. Bell, M. Castells and others. Globalization and the development of information and communication technologies are criteria of utter importance for the knowledge society to form.

Key words: knowledge society, information society, N. Shter, D. Bell.

Понятие «общества знания» является сравнительно новым. Оно недостаточно широко изучено и на настоящий момент не получило широкого распространения в социологической

теории. Не исследован его теоретический и методологический потенциал. Согласно идеологу и одному из родоначальников концепции Николасу Штеру, об обществе знания в качестве формы общественного жизни можно говорить только в том случае, «если знание не только является конститутивной особенностью современной экономики, но и становится организующим принципом всего общества»¹. «Общество знания» – один из исторически возможных, осуществимых векторов социального изменения в силу условий, созданных для него развитием информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) и глобализации. Понятие «общество знания» проблематизирует не столько технотронный, сколько коммуникативный и антропологический аспект информационно-технического прогресса. Каким образом будут использованы информационные технологии: станут ли они «вездесущим паноптикумом» или усилителем сотрудничества², станут ли они средством реализации человеческого потенциала, средством расширения доступа к образованию и через это умножения знания или средством коммерциализации культуры и отчуждения в информационном товаре? Как отмечает И. Ю. Алексеева, «тема общества знаний – пер-

спективная тема дискуссий, участники которых могут исходить из разных представлений о том, что есть общество знаний»³.

Поскольку для большинства концепций общества знания характерно разведение понятий «знания» и «информации», постольку перво-степенной задачей определения содержательной специфики определения общества знания выступает разведение таких идеально-типических конструктов, как «информационное общество» и «общество знания». Прежде чем пояснять отношения данных типов обществ, выявим соотношения самих многозначных понятий «информация» и «знание».

«Информация» и «знание»

В самом общем смысле информация – это универсальное свойство (атрибут) материи, связанное с ее системной организацией. Данное определение, характерное для сторонников синергетического подхода, подчеркивает до-субъективный, не зависящий от субъекта характер информации: информация как мера определенности, структурированности, комплексности материального мира. Другие определения подчеркивают двойственный характер информации – она в качестве отражения процессов объективного мира «идеальна», но нуждается в «материальном» носителе, будь то слово или знак, и явлена нам именно в виде этого носителя. «С середины XX в. [с развитием информационных технологий] “информация” – это научное понятие, означающее обмен сведениями не только между людьми, но и между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также обмен сигналами в животном и растительном мире, передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму и др.»⁴ Широко известны статический подход и определение информации, связанные с исследованиями ее количественного аспекта Л. Хартли и К. Шенноном⁵. (Существуют также алгоритмический и прочие динамические подходы к информации, в рамках которых – это свойство взаимодействия между носителем информации и воспринимающей системой.) Основателями общего подхода к этому понятию стали английский нейрофизиолог У. Р. Эшби⁷ и французский физик Л. Бриллюэн⁸.

В гуманитарных и общественных науках понятие «информация» разрабатывается в рамках теорий коммуникации. Так, «социальная информация» – это различного рода (научные, идеологические, политические) сведения, которыми социальные акторы обмениваются между собой в рамках коммуникации. Причем для социальной информации характерно диалектическое влияние различных социальных характеристик актора на процесс обмена (способ передачи, содержание иные особен-

ности социальной информации) и обратное влияние обмена информацией на различные характеристики социального актора (интересы, степень сплоченности, субкультуру, место в социальной структуре и т. п.). Понятие «социальная информация» выступает одним из основных в концепции Ф. Ферраротти. Социальную информацию в качестве эксклюзивного знания следует отличать от «коллективной информации» – общественной культуры, мира коллективных знаков, сообщений СМИ и прочих знаков повседневного опыта. «Социальная информация – это такая информация, которая охватывает все политические и социально значимые темы, относящиеся к взаимодействию граждан и институтов. В этом смысле вполне правомерно утверждать, что социальная информация относится и входит в само понятие власти»⁹. Контроль над социальной информацией и есть осуществление власти.

Понятие «социальная информация» по своему объему и содержанию ближе всего к понятию «знание» с точки зрения социологического подхода. Знание – это особое информационное отношение субъекта к объекту в качестве результата познавательной деятельности субъекта, явленное в форме понятий, суждений, представлений, идей и заблуждений субъекта познания о его объекте. Знание – это результат познания, познание – это «диалог» познающего с предметом, а также предшествующим знанием об этом предмете, его носителями, заинтересованными сторонами и т. д. Различие гносеологического подхода к знанию, рассматривающего его с точки зрения «истинности», правдоподобия, адекватности отображения изучаемой действительности, и социологического подхода, рассматривающего знание в качестве побочного продукта и фактора общественной жизни людей, в общем и целом отражено в различии научного и не-научного (обыденного) знания. С точки зрения гносеологического подхода истинность научного знания отличает его от обыденных мнений и убеждений, с точки зрения социологического подхода подобное различие в целом несостоятельно и имеют место другие демаркационные критерии. В рамках гносеологического подхода выделяются сциентистская и антисциентистская традиции. Согласно традиции агностицизма и позднее антисциентизма всякое знание есть не более чем «привычка ума», и в этом смысле научное знание ни в чем не отличается от заблуждения. Сциентистская традиция противопоставляет истинное (более правдоподобное) научных знаний ошибочным заблуждениям, мнениям, убеждениям, верованиям, т. е. обыденному (менее правдоподобному) знанию и т. д.

Приведем ряд социологических подходов к определению понятия «знания», характерных для отрасли социологии знания: например, со-

гласно традиции прагматизма, знание – это закреплённые, общепринятые и потому полезные верования¹⁰. Согласно социально-конструктивистскому подходу П. Бергера и Т. Лукмана, знание – это все то, «что считается “знанием” в обществе»¹¹. По мнению представителей «сильной программы социологии знания» и акторно-сетевой теории Д. Блура и Б. Латура, знания – любого рода сведения о мире (в том числе заблуждения), разделяемые определенной группой акторов в силу их принадлежности к группе или иных общих социальных качеств¹². «Социологическая дефиниция знания будет поэтому отличаться от обыденного или философского его понимания. Вместо того, чтобы определять его как истинное убеждение, социолог рассматривает как знание то, что является таковым в реальности человеческой жизни»¹³. Согласно марксистскому направлению социологии знания и К. Мангейму в частности, знание – часть идеологии во всеобщем понимании: поскольку субъектом мышления является не индивид, а группа, постольку знание в качестве его продукта – часть группового сознания, обусловленного классовыми характеристиками¹⁴. Теоретик постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар рассматривает знание в качестве основного компонента культуры, в качестве разновидности дискурса, нарративно обусловленного процесса коммуникации, растянутого в веках¹⁵ и т. д.

Таким образом, в самом общем смысле понятие «информация» выступает видовым по отношению к понятию «знания», которое отличается своим антропологическим и социальным контекстами. Возможно разведение этих понятий в качестве «количественного» и «качественного» аспектов сведений, данных. Информация – скорее количественный аспект, а знание – качественный, поскольку знания всегда осмысленны, интенциональны и в этом смысле обусловлены. Коннотатами понятия «информация» выступают понятия: «данные», «код», «контент», «сообщение», «ресурс», «определенность»; коннотатами «знания» – «сведения», «идеи», «убеждения», «верования», «заблуждения» и т. д. В самом общем виде соотношение понятий «знания» и «информации» представил М. Кастельс, определив информацию как «организованные и переданные данные» и приведя определение знания Д. Белла, согласно которому знание – это «организованный комплекс описания фактов или мыслей, представляющий взвешенное суждение или экспериментальный результат, передаваемый в систематизированном виде посредством общения»¹⁶. Согласно М. Кастельсу, «информация – это не знание, но инструмент знания»¹⁷.

Постиндустриальное и информационное общество

Своим появлением понятие и концепции «информационного общества» были обязаны

необходимостью привнесения качественной определенности в постиндустриальный дискурс¹⁸ и соответствующие концепции «постиндустриального общества». Характерной особенностью постиндустриального дискурса является отход от рассмотрения социальной реальности сквозь призму трудовых, производственных, индустриальных констант¹⁹ и выдвижение знания (прежде всего научного, теоретического) в качестве доминанты социологического анализа. (Поэтому в самом широком смысле о концепции постиндустриального общества уже можно говорить как о концепции «общества знания».) Так, один из родоначальников концепции постиндустриального общества Д. Белл выстраивает свою теорию общества на основе так называемого «осевого принципа». Идеальный тип «постиндустриального общества» выстраивается вокруг возрастающей роли научного знания в функционировании и изменении основных сфер, осей общества: экономики, политики, культуры. Соответственно, центральными институтами постиндустриального общества выступают университеты и научно-исследовательские центры. Экономика постиндустриального общества отмечена доминированием сферы услуг над сферой производства. (Зачастую этот экономический фактор рассматривался в качестве основного для идентификации того или иного общества в качестве постиндустриального.) В социальной сфере в рамках социальной стратификации постиндустриального общества имеем доминирование профессионального принципа и критерия обладания знаниями над классовым принципом и соответствующим имущественным критерием. В политике – «меритократический идеал» – принцип, согласно которому власти достигают благодаря уровню компетенции и образования и т. д. Наконец, Д. Белл формулирует информационную теорию стоимости, согласно которой научное знание, вовлекаемое в сферу промышленного производства (в виде изобретений, инноваций, организационных и технологических усовершенствований производственного процесса) выступает источником стоимости.

Подобное же рассмотрение научного знания/информации в качестве нового фактора производства, экономического ресурса и рычага власти характерно для ранних концепций информационного общества 1960–1980-х гг. Ю. Хаяши, Ф. Махлупа, Т. Умесао, И. Масуды²⁰ и др. Согласно этим концепциям, информационное общество, обладающее высокой по качеству информацией, а также необходимым и достаточным количеством средств ее распространения, в силу высоких темпов экономического роста избавит людей от необходимости тяжелого рутинного труда, обеспечив автоматизацию в целом, а общество – от острых социальных конфликтов, обеспечив справедливое и технически выверенное перераспределение и политическое

управление. Фактически это концепции «информационной экономики» и соответствующих ей политической, социальной и культурной «надстроек». Содержательная близость данных концепций ранним американским технократическим утопиям Т. Веблена, Г. Скотта, Г. Гантта²¹ и других очевидна.

Согласно другому родоначальнику концепции постиндустриального общества А. Турену²², несмотря на заметное влияние ИКТ, не они составляют суть постиндустриализма, постиндустриальное общество нельзя приравнивать к «технотронному». От всех предшествующих типов обществ «программируемое» (постиндустриальное) общество отличает способность воздействовать само на себя («производить», а не только «воспроизводить» самое себя) при помощи различных культурных моделей. Соответственно, отличительной особенностью программируемого общества выступает его основной социальный конфликт – конфликт общественных движений по поводу историчности и доминирования соответствующих движениям культурных моделей и мировоззрений. Фактически под борьбой за историчность А. Турен понимает то же, что под конфликтом в рамках социального конструирования реальности понимали П. Бергер и Т. Лукман²³. В рамках подобного видения экономика и производственная сфера отходят на второй план по отношению к этому социокультурному конфликту.

По мнению ученика А. Турена, М. Кастельса, знания и информация играли заметную роль на всех стадиях развития общества, поэтому современную социальную реальность необходимо описывать в терминах «информационного», «сетевого» общества. Информационно-технический прогресс трансформирует не только материальную основу общества, но несет с собой изменения в трех областях человеческой деятельности, вокруг которых организовано общество: в отношениях *производства, опыта и власти*. Результатом «информационной революции» становится новая социальная структура *глобального сетевого общества, характеризующаяся в отношениях производства – информационной/глобальной экономикой, в отношениях опыта – культурой реальной виртуальности и упадком семьи, в отношениях власти – кризисом национального государства как суверенной единицы и демократии в качестве его политической формы*. Кастельс выделяет три «способа развития» (социально-экономического развития): аграрный, индустриальный и информационный. «В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации»²⁴. Новым ресурсом становится информация, новой технологией – информационные технологии.

Способ производства – это «структурный принцип, согласно которому присваивается и контролируется экономический излишек»²⁵. В качестве двух исторически известных способов производства М. Кастельс указывает на капитализм и этатизм. В качестве средства производства капитализм заключается в максимизации прибыли капиталистов на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этатизм – максимизация власти на основе государственной монополии на средства насилия и идеологической способности политического аппарата влиять на сознание подданных. Развитие ИКТ влечет за собой реструктуризацию капитализма и этатизма. Критическое понятие «информационализм» (информационный капитализм) служит для описания противоречивого и неустойчивого состояния сетевого общества, характеризующегося новым «информационным» способом развития и старым капиталистическим способом производства. «Информационализм» имеет тенденцию к распаду под действием таких общественных движений и культурных моделей, как, например, феминизм, инвайронментализм и др. Поэтому глобальное сетевое общество, по мнению М. Кастельса, «все больше структурируется вокруг биполярной оппозиции между Сетью и “Я”»²⁶ [идентичностью]. Способом существования общественных движений становится поиск автономии от сети информационного капитализма, поиск альтернативного смысла использования информационно-коммуникативных технологий для создания «заповедного пространства» свободной коммуникации. По словам М. Кастельса, для общественных движений информационного века Интернет становится тем, что для рабочего движения были фабрика и паб²⁷, т. е. объединяет в себе свободную коммуникацию и производство.

Существует огромное множество разнообразных концепций информационного общества в качестве теоретически проработанной разновидности постиндустриального дискурса, например, концепции Э. Тоффлера, З. Бжезинского, Ф. Ферраротти, Я. ван Дейка, Р. Хасана, А. Барда и Я. Зодерквиста, Г. Рейнгольда²⁸ и т. д. Рефлексия относительно того, какие формы принимает общественная жизнь под влиянием информационно-технического прогресса, становится необходимой частью любой современной социологической теории общества. Однако основным общим недостатком концепций информационного общества, унаследованным от постиндустриализма, остается рассмотрение информационализма в качестве, прежде всего, совокупности изменений в характере производства на основе достижений НТР. Таким образом, видение новой социальной реальности пытаются выстроить на основе старой индустриальной, производственной логики, как если бы концепция производственного базиса и общественной надстройки

была верна. Другой крайностью информационного дискурса, унаследованной от технократических и футуристических утопий, выступает то, что в сумме могло бы быть охарактеризовано как технологический детерминизм. Попытка оспорить всепроникающий характер информационных технологий была бы ретроградством. Однако новые социальные формы и процессы не являются исключительно результатом новых технологий. Новая технология, инструмент никак не детерминирует смысла и способов своего использования, общество не может задать курс технологических изменений, запрограммировать научные открытия. По мнению М. Кастельса, дилемма технологического детерминизма представляет собой ложную проблему, поскольку «технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов»²⁹. Критика технологического детерминизма наилучшим образом представлена в работах теоретиков франкфуртской школы³⁰. В частности, Ю. Хабермас, называя науку и технику идеологией, утверждает, что рассмотрение технологических инструментов в качестве не зависящих от социального взаимодействия есть результат реификации (овеществления). В действительности мы имеем дело с абсолютизацией и отчужденного целерационального действия в ущерб морально-коммуникативному. Иными словами, так называемый научно-технический прогресс, несущий на флаге проект господства над природой, есть один из модусов колонизации жизненного мира системой³¹.

Таким образом, одним из источников концепции общества знаний выступает теоретико-методологическая рефлексия теоретиков постиндустриального и информационного общества в связи с осознанием и разработкой не только перспектив, но и рисков глобализирующегося информационного общества. Соответственно, вторым основанием выступает осознание глобального характера информации, на циркуляцию которой не оказывают значимого характера национальные границы³². Наследуя от информации свойство неисчерпаемости, знание, в отличие от собственности, которая в случае разделения уменьшается пропорционально количеству долей, в случае разделения – «коммуникации», «обучения» и т. п. – не только не сокращается, но и приумножается. Коммуникация – это способ существования знания. Соответственно, информационные технологии служат раскрытию надындивидуальной и сверхлокальной природы знания, облегчению коммуникации, доступа к образованию и через это умножению знания, а не фетишизации, коммерциализации и отчуждению знания в «информационном товаре». Глобальные СМИ способствуют формированию глобального общественного сознания, превращая процесс глобализации в необратимый и трудноконтролируемый.

Общество знания

Как отмечено во Всемирном докладе ЮНЕСКО, посвященном обществу знания, «становление мирового информационного общества, являющегося плодом новых революционных технологий, не должно привести к утрате понимания того, что последние являются лишь средством создания настоящих обществ знания. Бурный рост сетей сам по себе был бы недостаточен, чтобы заложить основы общества знания»³³. Становление общества знания требует активного участия общественных акторов, поскольку в противном случае глобальный информационный капитализм, покупающий изобилие ценой голода, сочетающий научно-технический прогресс с насилием, тяжелый избыточный труд с безработицей, рационализацию с неудовлетворенностью желаний и низким качеством жизни, не отступит. Кроме того, следует говорить о едином глобальном обществе знания без единого правительства, а не о множестве обществ знания.

Согласно Н. Штеру, определение которого было приведено в начале статьи, общество знания отличается ряд основных характеристик: неопределенность, хрупкость, открытость, рост потенциала действий индивида³⁴ и т. д. Приведем краткий обзор этих характеристик, демонстрируя их взаимосвязь: развитие науки и техники является основным источником как роста потенциала индивидуального действия, так и растущей неопределенности современных общественных отношений. Придерживаясь традиции прагматизма, Н. Штер определяет знание как «способность к действию», возможность «что-то привести в движение». Соответственно, своим особым статусом научное знание обязано не «истинности» (в действительности качество знания, добываемого наукой, куда ниже, чем предполагают обыватели), а своей эффективности и результативности для нужд индивидов, фирм и государств.

Следствием роста и распространения эффективного знания и технологий выступает рост потенциала действий индивида и малых групп. Однако действия имеют тенденцию нести с собой не только предвиденные, но и непредвиденные последствия (риски). «Обратная сторона эмансипации за счет знания – риски, порождаемые эмансипаторным потенциалом знания»³⁵. Хрупкость общественных установлений выступает следствием несбалансированного расширения потенциала действий. Власть макроструктур все больше подрывается и ограничивается растущим потенциалом действия малых групп. По мнению Н. Штера, эпоха господства таких могущественных социальных институтов, как государство, церковь, армия, приближается к концу. Обычно в рамках информационного дискурса индивиды выставляют жертвой науки и техники, ограничивающих и изолирующих его,

обнажающих частную жизнь, усиливающих чувство беспомощности.

Открытость общества знания состоит в том, что оно «само производит» (конструирует) свои структуры, само определяет свое будущее, а значит, обладает и способностью к саморазрушению. Вслед за К. Поппером Н. Штер указывает на то, что открытость идейного горизонта общества знания есть следствие неопределенности, порождаемой наукой, которая на современном этапе превращается в основной фактор социального изменения. Поскольку направление роста научного знания невозможно предсказать (а лишь централизованно форсировать и субсидировать ряд направлений исследований, препятствуя развитию других), постольку управление общественными процессами, их планирование и прогнозирование представляют собой все более трудную задачу.

Фаллибилизм научного знания, сближение научного и обыденного знания обуславливают отсутствие технически гарантированной, непогрешимой истины в обществе знания и провоцируют острейшие социальные конфликты. Не только конфликты экспертов и антиэкспертов в поле научного знания, но и конфликты идентичностей, общественных движений в поле обыденного знания, традиций и верований. Объединение научного и обыденного знания ведет к наложению и умножению социальных конфликтов. Для общества знания характерна «двойная легитимация»: со стороны тех, кто решает, что есть знание, и со стороны, тех кто принимает стратегические решения на основе этого знания. Это означает, что, с одной стороны, не только политика, но и обыденная жизнь становятся невозможными без привлечения экспертного знания, с другой – функционирование «большой науки» немислимо без централизованных субсидий, финансирования и общественного доверия, аккредитации.

Глобальный и сетевой характер общества знания не означает однородного распределения в нем информационных технологий, доступа к знаниям и образованию. Проблемы устранения неравенства доступа к информации, образованию, информационным технологиям, а также гуманизации и гуманитаризации последних, проблемы коммуникации и распространения инноваций становятся центральными в обществе знания. И хотя понятие «общество знания» не получило достаточной разработки, существует ряд концепций, разрабатывающих отдельные аспекты и проблемы становления общества знания, например, концепции С. Кастельфранчи, Э. М. Роджерса, Х. Кноблауха, Б. Латура, С. Фуллера, Д. Иннерарити³⁶ и др.

Таким образом, понятие «общество знания» вводится не с целью обозначения нового этапа и новой неэволюционистской классификации постиндустриальных обществ. Напротив, об-

щество знания – это не необходимый «этап», а именно «практопия» (один из исторически возможных, практически осуществимых сценариев, векторов развития информационного общества), противостоящая утопии³⁷, в силу условий, созданных для него развитием информационных технологий, и глобализации. В случае отсутствия в современном мире соответствующих предпосылок проблема общества знания была бы немислимой. Реализация программы общества знания также требует активности действий акторов глобального гражданского общества. Концепция общества знания в качестве глобального общества, в котором гуманизированные информационные технологии служат расширению доступа к образованию и знанию, усилению сотрудничества, коммуникации и расширению человеческих возможностей, всецело обязана процессам глобализации, стартовавшим в последней четверти XX в. в качестве отличительной особенности современности. Отличие концепции общества знания от футуристических утопий «киберкоммунизма»³⁸ обусловлено самокритикой и теоретико-методологической рефлексией теоретиков постиндустриального и информационного общества в связи с неолиберальным характером глобализации на ее современном этапе. Осознание и теоретическая разработка не только перспектив, но и рисков глобального общества знания делают его проект тесно увязанным с проектами «альтерглобализма».

Примечания

- ¹ Штер Н. Мир из знания // Газета «Первое сентября». 2003. № 37. URL: <http://ps.1september.ru/> (дата обращения: 29.09.2014).
- ² См.: Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция. М., 2006.
- ³ Алексеева И. Ю. Общество знаний и гуманитарные технологии // Философия науки. 2011. № 16. С. 279.
- ⁴ Ладодо И. В. Информация // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 390.
- ⁵ См.: Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–11.
- ⁶ См., например: Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
- ⁷ См.: Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
- ⁸ См.: Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966.
- ⁹ Ferrarotti F. The Myth of Inevitable Progress. Greenwood Press, 1985. P. 157.
- ¹⁰ См.: Пирс Ч. С. Закрепление верования // Вопр. философии. 1996. № 12. С. 106–120 ; Дьюи Дж. Обычай и привычка // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX в. : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исслед. Отдел социологии и социальной психологии. М., 2010.

- ¹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 14.
- ¹² См.: Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185; Латур Б. Наука в действии. СПб., 2013.
- ¹³ Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976. P. 2.
- ¹⁴ См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
- ¹⁵ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
- ¹⁶ Castells M. The Rise of the Network Society // The Information Age : Economy, Society and Culture : in 3 vol. Vol. 1. Oxford : Blackwell, 1996. P. 38.
- ¹⁷ Ibid. P. 54.
- ¹⁸ См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- ¹⁹ См.: Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному : западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.
- ²⁰ См.: Hayashi Yu. The Direction and Orientation of Futurology as a Science, International Future Research Congress. Oslo, 1969; Махлун Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Tokyo, 1980 и др.
- ²¹ См., например: Veblen Th. The Engineers and the Prize System. N.Y., 1921.
- ²² См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
- ²³ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.
- ²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М., 2000. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 39.
- ²⁶ Там же. С. 26.
- ²⁷ См.: Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
- ²⁸ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010; Ferrarotti F. Op. cit.; Dijk van Jan A. G. M. The Network Society Social Aspects of New Media. L, 2006; Hassan R. Media, Politics and the Network Society. N.Y., 2004; Бард А, Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004; Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция. М., 2006.
- ²⁹ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. С. 29.
- ³⁰ См., например: Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997; Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011.
- ³¹ См.: Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2004.
- ³² См.: Katz R. L. The Informational Society : An International Perspective. N.Y., 1988.
- ³³ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 21.
- ³⁴ См.: Штер Н. Указ. соч.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См., например: Castelfranchi C. Six critical remarks on science and the construction of knowledge society // Journal of Science Communication. 2007. № 6. Vol. 4. P. 1–3; Rogers E. M. Diffusion of Innovations : 5th ed. N.Y., 2003; Knoblauch H. PowerPoint, Communication and the Knowledge Society. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2013; Латур Б. Наука в действии. СПб., 2013; Fuller S. Society's Shifting Human-Computer Interface : A Sociology of Knowledge for the Information Age // Information, Communication and Society. 1998. № 1. P. 182–198; Innerarity D. Power and knowledge : The Politics of Knowledge society // European Journal of Social Theory. 2012. № 16. Vol. 1. P. 3–16.
- ³⁷ См.: Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23.
- ³⁸ См., например: Хардт М., Negri A. Империя. М., 2004.

УДК 316.752.4

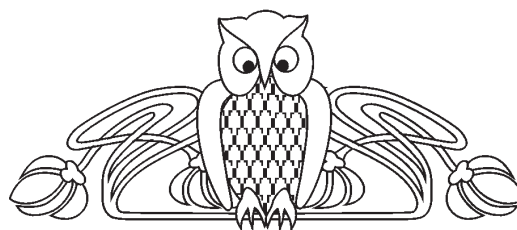
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Б. Поликарпов

Саратовский государственный университет
E-mail: polikarpovpb@mail.ru

В статье по материалам официальных документов государственной статистики анализируются меры по модернизации здравоохранения Саратовской области и по результатам социологического исследования общественного мнения выявляются социальные проблемы эффективности его функционирования.

Ключевые слова: здоровье населения, модернизация, общественное мнение.

**The Social Problems of Health Care Modernization
(Saratov Region)**

P. B. Polikarpov

The article deals with the analysis of the measures taken in the field of Saratov Region Health Care modernization. The analysis is based on the data of official state statistics. The results of the sociological investigation reveal the social problems of modernization effectiveness.

Key words: population health, modernization, public opinion.